

Иногда они возвращаются: души умерших в сборнике Чжан Ци-сяня

И.А. АЛИМОВ

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.55512/WMO707470

Статья поступила в редакцию 21.04.2026.

Аннотация: Данная публикация представляет читателю четыре рассказа из сборника «Ло ян цзинь шэнь цзю вэнь цзи» (洛陽縉紳舊聞記 «Записки слышанного от служивых людей Лояна о [бывшем] встарь») сунского литератора Чжан Ци-сяня (張齊賢 943–1014). Перевод на русский язык предваряют основные сведения об авторе и его сборнике.

Ключевые слова: Старая китайская проза, Чжан Ци-сянь, Luo yang jin shen jiu wen ji, история сяошо.

Для цитирования: Алимов И.А. Иногда они возвращаются: души умерших в сборнике Чжан Ци-сяня // Письменные памятники Востока. 2026. Т. 23. № 3 (вып. 66). С. 34–43. DOI: 10.55512/WMO707470.

Об авторе: АЛИМОВ Игорь Александрович, доктор исторических наук, заведующий Отделом этнографии Восточной Азии, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Российская академия наук (Санкт-Петербург, Россия) (alimov@pvest.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.

© Алимов И.А., 2026

Сановник, историк и видный литератор Чжан Ци-сянь (張齊賢 943–1014) в юные годы жил довольно скудно и сосредоточил помыслы на учебе, мечтая о великом будущем. Он нашел поддержку наставника наследника трона Ли Су (李肅 X в.), у жены которого его мать была в услужении. Попад на аудиенцию к основателю сунской империи Тай-цзу (на троне 960–975), Чжан Ци-сянь сумел произвести благоприятное впечатление на императора, который предсказал ему великое будущее. Так оно и получилось: выдержав в 977 г. экзамены, Чжан Ци-сянь начал чиновничью карьеру — от областного следователя по провинциальным делам до все более высоких столичных должностей. Был членом придворной академии Ханьлиньюань, императорским советником, главой Департамента церемоний, помощником начальника Управления

департаментов; практически всю жизнь служил при дворе, одновременно управляя различными областями, в том числе и столичными, и в общей сложности девять раз состоял на высших государственных должностях. Это был масштабно мыслящий государственный деятель, с особым вниманием относившийся к работе судебной системы и привлекавший на службу способных людей. Чжан Ци-сянь водил дружбу с выдающимися людьми своего времени — поэтом Ань Шоу-ляном (安守亮 X в.), каллиграфом и поэтом Чжэн Вэнь-бао (鄭文寶 953–1013), политиком и литератором Ван Юй-чэном (王禹偁 954–1001), сановником Ли Ханом (李沆 947–1004) и многими другими. Кроме того, он был поэтом, чьи стихи имели успех у современников, а также автором сборника «Ло ян цзинь шэнь цзю вэнь цзи» (洛陽縉紳舊聞記 «Записки слышанного от служилых людей Лояна о [бывшем] встарь»).

Этот сборник датирован 1005 г., в нем — авторское предисловие, пять цзюаней и двадцать один фрагмент (пять в первой цзюани и по четыре в последующих). В основу сборника Чжан Ци-сянь положил слышанные им удивительные рассказы чиновников старшего поколения. Спустя долгие годы, когда он начал работать над окончательным текстом «Ло ян цзинь шэнь цзю вэнь цзи», Чжан Ци-сянь отбросил несущественное, перепроверил рассказы по историческим сочинениям и добавил слышанное и виденное лично. Сборник Чжан Ци-сяня, несмотря на незначительный объем, — важный раннесунский прозаический памятник, в составе которого до нас дошли оригинальные новеллы чуаньци, и яркое свидетельство развития старой китайской прозы того времени. И хотя посвященных удивительным событиям фрагментов в «Ло ян цзинь шэнь цзю вэнь цзи» всего шесть, они безусловно заслуживают внимания литературоведов. Ниже читателю предлагается перевод четырех таких фрагментов из «Ло ян цзинь шэнь цзю вэнь цзи»¹.

Душа отца Су Куя из Тайхэ

Су Куй был родом из Пучжоу. Он сдал экзамены на степень цзиньши², а на дворцовых испытаниях августейшего владыки Тай-цзуна прошел вторым. Куй был судебным исполнителем, а потом его перевели управлять уездом Тайхэсянь, что в области Цзичжоу.

Прошло уже больше десяти лет с тех пор, как отец его умер.

Однажды военный чиновник из цзичжоуской управы возвращался из столицы, куда сопровождал караван с налогами. В пути он заночевал на постоялом дворе в уезде Хуанмэйсянь. Когда уже сгустились вечерние сумерки, у постоялого двора вдруг объявился старик — в черном официальном платье, головная повязка с короткими лентами. Он нахлестывал ослика, а за стариком следовал юноша лет, наверное, шестнадцати-семнадцати. Старик вошел, отвесил поклон чиновнику, сел рядом с ним. Они разговорились, и старик сказал, что направляется в Тайхэсянь повидать близких.

— Я сам из Цзичжоу, — сказал ему чиновник. — Служу в местной управе, а сейчас возвращаюсь из столицы и еду как раз туда. Может, почтеннейший, мы поедем с вами вместе? А что за родственники у вас в Тайхэсяне?

¹ Перевод выполнен по изданию (Чжан Ци-сянь 2004).

² Цзиньши — одна из ученых степеней, необходимая для занятия вакантной чиновничьей должности и присуждаемая по результатам столичных экзаменов.

— Фамилия моя Су, — отвечал старик. — У меня есть сын, зовут его Су Куй, он удостоился милости сдать экзамены и служит начальником уезда Тайхэсянь. Вот решил его проведать. А кроме Куя, у меня никого и нет.

— Так начальник уезда Тайхэсянь одногодок с нынешним помощником начальника области! — воскликнул чиновник. — Мне посчастливилось попасть на службу под его начало! Я с превеликим удовольствием сопровожу вас, почтеннейший, до Тайхэсяня и, может, вы при случае замолвите за меня словечко перед господином начальником уезда!

Старик согласился. В тот вечер чиновник распорядился принести вина, и они со стариком выпили более десяти чаш. Старик пришел в полный восторг.

На другой день они отправились в дорогу вместе. В пути чиновник покупал еду и потчевал старика, а тот и не отказывался. Переправились через реку, добрались до Цзянчжоу, и там уже старик купил вина и выставил выпивку. Мало-помалу эти двое сблизились наитеснейшим образом.

Добрались до Хунчжоу и там заночевали. А когда на следующий день чиновник собрался двигаться дальше, старик сказал ему:

— Раньше мы с вами, господин, уговаривались совместно добираться до самого Тайхэсяня. Всю прошлую ночь я думал об этом. Сын-то мой удостоился назначения начальника уезда, но вы сами видите, в каком состоянии мои вещи. Я попрошу вас первым отправиться в Тайхэсянь, сообщить сыну — пусть приготовит новую одежду, пришлет слуг и лошадь. Я же их встречу на полдороге.

Чиновник из Цичжоу откликнулся на эту просьбу.

— Раз так, позвольте попрощаться. Я поехал.

Добравшись до родных краев, он не осмелился тратить время в областной управе на доклад о прибытии, но напрямик направился к начальнику уезда Тайхэсянь. Попросил доложить о себе, а когда к нему вышел Су Куй, вскочил и стал кланяться с глубочайшим уважением.

— От самого Хуанмэйсяня мы путешествовали вместе с вашим почтенным батюшкой, господин начальник! И договорились, что я доставлю его до самого вашего уезда. Но наутро, после того как мы переночевали в Хунчжоу, ваш почтенный батюшка вдруг велел мне ехать первым и предупредить вас о его прибытии. Прошу господина начальника приготовить свежее платье и послать слуг и лошадь, ваш почтенный батюшка ожидает их!

Су Куй не поверил своим ушам.

— Мой отец скончался более десяти лет назад! — воскликнул он. — Тут какая-то ошибка!

— Но мы от Хуанмэйсяня все время ехали вместе, вместе пили и ели! Это ведь ваш почтенный батюшка рассказал мне, что вы, уважаемый начальник, управляете Тайхэсянем, и что он специально едет повидать вас! Я не лгу!

Куй стал расспрашивать, какого возраста был старик да как он выглядел: все совпало! Тогда Куй поинтересовался, во что был одет старец — и снова все совпало. Куй сбежал по ступеням вниз во двор и, обратясь лицом к далекой родине, долго рыдал. Потом, успокоившись, сказал чиновнику:

— Когда отец мой умер, то возраст его, одежда и внешность были именно такими! — сказал и вновь зарыдал. Потом сделал из бумаги новую одежду, нарисовал слуг и лошадь и сжег все это.

Через несколько лет Куй скончался.

Кто же был тот старец, что ехал на осле в сопровождении слуги? Говорил, как человек, ел и пил, как человек. Кто же принял вид человека? Бес ли? Дух ли?

В то время помощником начальника области в Цзичжоу был министр Сян Минь-чжун³, а я служил там налоговым эмиссаром, так что подробности этой истории мне хорошо известны. И вот я записал ее. Неужели можно усомниться в правдивости этого удивительного рассказа?

Красильщик из Лояна встречает душу невинно погибшего

В начале годов под девизом правления Кай-бао (968–976) в Лояне, в квартале Сяньсянфан, жил красильщик по фамилии Ли, он умел наносить на одежду узоры в виде цветов, и все его звали Ли Цветочная одёжа. Ли имел некоторый достаток, нрава был самоуверенного, строптивого, в Будду не верил. И если у ворот его дома оказывался буддийский монах, просящий подаяния, Ли смотрел на него ровно на деревянную статую: стой там монах сколь угодно долго, Ли его ни единым словом не удостоивал. Другой красильщик однажды спросил Ли:

— Ну ладно, ты не хочешь ничего жертвовать, но слово-то сказать можно, чтобы монах ушел?

— Да вот боюсь, если заговорю с монахом, он потом опять заявится, — отвечал Ли.

Все, кто это слышал, громко расхохотались.

И вдруг в один прекрасный день Ли, одолжив несколько вышивок с изображениями Будды и сутр, выставил угощение для десятков монахов, дабы они провели моления! Все соседи были крайне удивлены.

Некий богатей по имени Фань Чэн стал частным порядком расспрашивать Ли, в чем тут дело, и тот все без утайки ему рассказал.

— В конце правления царства Позднее Цзинь (936–947), в годы, когда настал голод, я был крайне беден, имел всего пару связок монет и промышлял по деревням перепродажей всякой всячины. А был еще человек, по фамилии Сунь, у него тоже имелись две-три связки монет, и вот мы решили торговать вместе. Отправлялись за-светло, возвращались в сумерках. И каждый раз, когда мы оказывались в безлюдном месте, этот Сунь постоянно крутил головой, оглядываясь, — словно высматривал кого-то. Я заподозрил неладное и однажды хмурым вечером, когда даже луна не светила и в двух шагах ничего нельзя было разглядеть, подобрал камень и подкрался к Суню сзади — ударил его прямо по голове, а потом и по лицу, и Сунь умер. Я бросил его тело на обочине дороги, а все добро, что было при нем, отнес домой. И никто так и не узнал об этом происшествии. А недавно я отправился на ночной рынок, хотел купить горячей еды, глядь — а там этот Сунь, тоже покупает что-то! Опасаясь, что он доложит властям, я решил незаметно улизнуть, но Сунь неотступно следовал за мной, и сбежать не получилось. Мне только и оставалось, как отвесить ему поклон со словами: «Теперь у меня появился небольшой достаток, и я дам тебе столько денег, сколько пожелаешь! Только не обращай к чиновникам!» Я подумал, что тогда он как будто умер, но после очнулся и ожил... Сунь же в ответ не сказал ни

³ Сян Минь-чжун (向敏中 949–1020) — сунский сановник и государев первый советник, действительно служил помощником начальника Цзичжоу.

слова. Я пригласил его в винную лавку. Мы сели пить. Подняли чаши уже несколько раз, как вдруг Сунь медленно вымолвил: «Зачем ты тогда меня убил? Вот уже много лет я безуспешно ишу тебя». «Я действительно совершил страшное преступление! — отвечал я. — Но мне пришло в голову, что ты злоумышляешь против меня, вот я и поднял на тебя руку первым». Я стал отбивать земные поклоны и просить прощения. «Я так страдал, пытаюсь найти тебя, да не мог»!.. — сказал Сунь. — Я не человек, а душа умершего. Когда ты убил меня, селяне сбросили мое тело в пересохший колодец в половине *ли* от того места. Ныне колодец занесло мусором, так что следов не осталось. Но кости мои по-прежнему там — лежат без должных обрядов и приношений. Если ты заберешь мои кости, обрядишь в новое платье и захоронишь в покойном месте, я не буду держать на тебя зла». Я согласился, и вскоре Сунь исчез. А моление и пожертвования буддийским монахам я сделал в честь его невинно убиенной души!

Фань Чэн глубоко верил в учение Будды, знал о законе воздаяния, а оттого сказал Ли так:

— Тебе нужно срочно поспешить в то место, где ты убил Суня, разыскать тот колодец, достать из него кости, обрядить в новую одежду, снова позвать монахов, чтоб читали сутры, а затем выбрать благоприятное место и захоронить останки! Иначе рано или поздно ждут тебя беда и горе!

Услышав это, Ли Цветочная одежда сильно испугался и поступил так, как ему велел Фань Чэн: через несколько дней нашел заброшенный колодец, раскопал, добыл кости Суня, обрядил в новое, купил участок земли у горы и честь по чести совершил захоронение.

А через несколько лет после того у Ли вышел крупный спор с дальним родственником по фамилии Фу, и они отправились в управу к областному приставу. В той управе было старое узилище — дверь в нем отсутствовала, и Ли сам себя в то узилище заключил. Пристав же, его фамилия была Бянь, тогда отсутствовал, а когда вернулся, то обнаружил, что Ли повесился на собственном кушаке на дереве около узилища. И чиновнику это вменили в вину.

О! Ли и Сунь — такие ничтожные люди! Убийство произошло в конце правления Позднего Цзинь, а все открылось лишь в начале годов Кай-бао нынешнего правления. Ли перезахоронил останки, но в итоге все равно повесился — разве не подтверждает это яснее ясного, что возмездие душ умерших существует? Я сам был всему этому свидетелем в Лояне, потому и записываю в качестве предостережения. В то время Хэнанью управлял генерал-губернатор Цзяо Цзи-сюнь, а помощником начальника той области был Тэн Чжун-чжэн⁴.

Возмездие жене начальника Хэньяна Чжоу

Начальник Хэньяна Чжоу — забыл его имя, хоть и посещал с визитом — был из Шу. Прошло три года, как опочила его жена, и Чжоу женился снова, тоже на уроженке Шу. У новой жены было три дочери, все взрослые. Когда они приехали в дом к начальнику Чжоу, тот принял их как собственных дочерей.

Новая жена Чжоу оказалась свирепо-ревнивая.

⁴ Цзяо Цзи-сюнь (焦继勋 901–978) — сановник времен Пяти царств и начала Сун. Управлять Хэнанью был назначен в 968 г. Тэн Чжун-чжэн (滕中正 908–991) — раннесунский сановник.

У Чжоу давно уже служили несколько женщин, и когда две из них оказались в тягости, новая жена Чжоу взялась по любому поводу наказывать их плетьюми — не давала продыху ни дня. Когда же их чрево увеличилось, женщин стали бить по спине, ягодицам и ногам, да только жена начальника Чжоу измышляла разные способы, чтобы им попало палками и по животу — не хотела, чтобы плод уцелел. В конце концов от таких побоев у обеих служанок случился выкидыш, и они умерли.

Я в то время служил помощником начальника области Хэнчжоу. Узнав об этом, весьма обеспокоился. Позднее, оставив пост, вернулся домой и долго не получал никаких известий от семьи Чжоу. А тут приехал один ученый, давний приятель начальника Чжоу, мы заговорили, и он рассказал:

— После того, как новая жена Чжоу убила тех служанок, ее три дочери одна за другой вышли замуж, оставшись жить в Хэньяни. Но не прошло и четырех-пяти лет, как они скончались родами! После смерти жена Чжоу принималась раздавать пищу буддийским монахам, желая выказать раскаяние, и просила их читать сутры в память о тех двух служанках, что от побоев умерли преждевременными родами. А когда три ее дочери разрешались в родах, каждая за десять дней до смерти начинала кричать от нестерпимой боли, корчась в муках и лишаясь жизни в мучениях. Жена начальника Чжоу, исходя слезами, читала вслух буддийские сутры, каялась в своем преступлении перед статуей Будды, возжигала ароматные курения... От горя слегла больная, а через год с небольшим после смерти дочерей и сама умерла.

Уху! Ведь сказано в книге: «Небесная сеть широка-широка, ничто не ускользнет от нее», да и рассказы о воздаянии из буддийских сутр — яснее ясного!⁵ Записываю, дабы жены, столь неостановимо-свирепые в ревности к служанкам, услышав эту историю, убоялись пуще прежнего. Да и в наставление будущим поколениям и для предостережения — тоже полезно.

Книжник Цзяо встречается умершую жену

Книжник Цзяо — не знаю, откуда он родом — уже очень давно проживал в Лояне. Он прекрасно знал «Книгу песен» и «Книгу перемен», владел стилем экзаменационных сочинений и зарабатывал на пропитание их толкованием у южной стены западных дворцов в Лояне.

А был еще другой книжник, тот жил за городом. В его амбарах хранилось очень много зерна, и селяне звали его богачом. Неподалеку жила семья по фамилии Лю, тоже зажиточная. Глава этой семьи внезапно умер. Остались дети — две дочери и сын, и самому старшему было лет десять с небольшим. Вдова Лю рассудила, что подати и налоги весьма велики, а опереться ей теперь не на кого, и, схоронив мужа, решила найти себе нового, ведь селяне не ведают об этикете и воспитании. Таких мужей молва зовет «идущими по следам». Книжник-богач, рассудив, что Цзяо как раз одинок, послал сваху, дабы сговориться о женитьбе на вдове Лю. Вдова, зная, что Цзяо принимают в области и в уездах, дала свое согласие. И через полгода они поженились.

Цзяо всегда жил бедно, в нужде, а тут, заполучив хозяйство Лю, сделался едва ли не богатеem — вот какова оказалась его счастливая судьба. Прошло больше десяти

⁵ Так дословно сказано в «Дао дэ цзине», чжан 73.

лет, и достояние семьи возросло — поголовье быков и баранов увеличилось в несколько раз. Теперь, выбираясь в город, Цзяо возвращался лишь в сумерках и навеселе. Супруга вместе с сыном и дочерьми дожидались его у ворот поместья, да еще посылали слуг покрепче встретить хозяина за *ли* или два до дома. Между супругами царило полное согласие.

Но однажды госпожа Лю внезапно умерла. Цзяо страшно горевал, бесконечно возвращаясь к ней мыслями, а когда женщину похоронили, рыдал дни и ночи напролет — слезы текли неостановимым ручьем. Цзяо пригласил буддийских монахов провести молебен и сделал им пожертвования, а книжник-богач и другие приятели Цзяо из Лояна принялись на все лады утешать его, — лишь после того Цзяо стало немного легче.

Спустя несколько месяцев он спозаранку уехал в город, а назад опять отправился уже в сумерках. Полупьяный, Цзяо настегивал ослика, но не доехав *ли*, наверное, десяти до дома, вновь зашелся в громких рыданиях. Домашние помогли ему войти в дом. И так случалось много раз. Селяне привыкли и не видели в том странного.

Однажды Цзяо пьяным возвращался из города. Проезжая мимо сада Шиюаньдянь, он начал стегать плетью ехавших вместе с ним товарищей, и те в гневе усаkali прочь. Цзяо остался верхом на своем ослике один, но, вместо того чтобы ехать домой, направился на юго-восточные пустоши. Видевшие его понятия не имели, куда он направился, ведь поместье его было в юго-западной стороне от Лояна. Дело шло к ночи. Пятеро или семеро местных селян, испугавшись, что на Цзяо могут напасть волки или другие хищники, последовали за ним, вооружившись палками. Мало-помалу они стали нагонять Цзяо, но тот, обернувшись, попросил:

— Я тут договорился встретиться с кое-какими людьми, пожалуйста, не преследуйте меня!

Тогда селяне повернули обратно. А Цзяо погнал ослика в самое глухое место на высоком берегу Лохэ — стегал его плетью, понуждая бежать быстрее, но ослик, увидев перед собой крутой обрыв, уперся, не желая двигаться дальше. Цзяо спешился, принялся обеими руками толкать его вперед, но ослик лягнул Цзяо задними ногами, и тот без чувств повалился наземь, а ослик потрусил в поместье домой.

Была десятая луна, под обрывом плескались глубокие воды — здесь, в излучине реки, стояло на приколе несколько десятков плотов, и на них ночевали люди. Один заметил, как человек верхом на осле пытается броситься с обрыва, и решил, что это сумасшедший. Едва Цзяо поднялся на ноги, как с плотов ему стали кричать наперебой:

— Стой на месте! Под обрывом глубокий омут, утонешь!

Услышав голоса, Цзяо сорвал с себя одежду, сбросил ее и стремительно помчался куда-то на северо-запад, скрывшись из глаз. Один из сплавщиков поднялся на берег, оглядел брошенную одежду.

— И впрямь сумасшедший! — сказал он. — Чуть не утонул! А ну как с ним еще что-нибудь приключится?.. Завтра его станут искать, по следам доберутся сюда, а одежда его — вот она, здесь валяется. Как бы это не навлекло на нас беды...

Тогда пошли в ближайшее село к тамошнему старейшине, прямо среди ночи постучали в ворота, обо всем рассказали.

— Вечером я видел, как мимо проезжал книжник Цзяо, — сказал им старейшина. — Он был совершенно пьян.

Он незамедлительно отправился в поместье Цзяо и рассказал о произошедшем.

Утром Цзяо начали искать — нет нигде. Лишь в ста с лишним шагах, в густых зарослях травы, обнаружили следы ног, запятнанные кровью, — видимо, босой Цзяо на бегу поранился о колючки. Тогда домашние возвели напраслину на старшину сплавщиков, будто бы это он погубил Цзяо. Для дознания прислали чиновников, но это не дало результата. А еще через несколько дней на берегу ручья, что позади горы Саньшань, кто-то заметил сидящего в траве человека — волосы в беспорядке, сам без одежды. Всмотрелся — а это Цзяо! Заговорил с ним — не отвечает, лишь глаза мерцают. Тот человек испугался и поспешил со всех ног в поместье — сообщить домашним. Те отправились, куда он указал, и в самом деле нашли Цзяо у ручья в зарослях травы. Увидев домашних, он было бросился прочь, но дюжие слуги поймали Цзяо, связали и привели домой. Все тело его и руки были в порезах от колючек и в кровавых пятнах, есть и пить он отказывался, родню не узнавал и лишь твердил:

— Отпустите меня домой...

Тогда решили обратиться к уемому магу, изгоняющему нечисть амулетами.

А в то время был даос Дин Цзы-жань, он умел изгонять нечисть с помощью амулетов «кипящей воды и пылающего огня», очень действенных. Даос по всем правилам соорудил алтарь, прочитал заклинание воды и возжег огонь. Вода в котле забурлила, а даос написал амулет, изгоняющий нечисть. Потом развязал Цзяо, выкликнул его имя, а также имя покойной госпожи Лю и с мечом в руках громовым голосом начал им выговаривать:

— Ты — бесовка, а Цзяо — живой человек! У живых и мертвых разные пути! Да как ты посмела, бесовское отродье, притронуться к живому?! — а потом укорил Цзяо: — Она же бесовка, что же ты ей потакаешь?!

С дрожащего от страха Цзяо ручьем полил пот, он ничком пал наземь, словно осознавший вину преступник, но так и не произнес ни слова. Тогда из него вытащили все застрявшие колючки, вымыли и одели в чистое платье, а потом помогли лечь и велели спать. Прошло несколько дней. Хотя Цзяо по-прежнему ничего не ел и не пил, малопомалу он начал стонать, ощущая ломоту во всем теле, и заговорил. Тогда даос ушел.

Прошло несколько десятков дней, и Цзяо спросили, что с ним случилось.

— Когда я подъехал к парку Шиюаньдянь, то увидел, что передо мной идет покойная жена. Я же не знал, что она бес, и в сердце очень обрадовался. А жена пальцем указала на моих сопровождающих — так, словно хотела, чтобы они ушли, и я, сам себя не помня, ухватился за плетень и принялся их стегать. Товарищи ускакали, а жена устремилась прочь. Боясь ее потерять, я огрел плетью ослика и помчался на юго-восток. Дорога была широкая, просторная, и я свободно следовал на ослике за женой. «Погляди назад! — сказала она мне, обернувшись. — Сколько людей бежит за тобой! Я боюсь, боюсь! Скорей верни их по домам!» Я обратился к тем, что преследовали меня, сказав им: «У меня там, впереди, встреча кое с кем назначена». Те люди мне поверили и повернули обратно. Жена моя обрадовалась, была довольна. А еще через несколько *ли* она указала на открывшееся перед нами поместье: «Вот и дом!» Не сделали мы и нескольких шагов, как появились две девицы в красном платье, одна помоложе, вторая постарше. «Хозяин приехал! Хозяин приехал!» — приветствовали они меня, улыбаясь. Показались громадные ворота — не такие, как в нашем доме. Жена вошла туда, а следом и девицы. Ослик же никак не желал идти, уж я его и плетью стегал — ни с места не сдвинулся! Разозлившись, я спешился и стал толкать его, но ослик ударил меня задними ногами и опрокинул наземь. Свет померк перед моими глазами, и я потерял сознание. Лишь спустя долгое время, когда

жена и девицы под руки повели меня в гору к ручью, я почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы идти самому. Но тут явился уважаемый даосский наставник — жена и девицы зарыдали и убежали. Больше я их не видел.

Домашние были в ужасе.

— Эти две девицы — верно, дочери Лю, она родила их, когда еще была жива! — шептались они.

Значит, вот сколь сильна оказалась душа жены Цзяо? В «Комментарии Цзо» сказано: «Когда человек рождается, сначала появляется телесная душа *по*», а душа, относящаяся к светлomu началу, — духовная *хунь*. Я считаю, что, когда человек еще не родился, формы он не имеет, но родившись — форму обретает. После смерти он снова возвращается в небытие, оттого про смерть и говорят, что она — возвращение: это и есть возвращение в небытие. Книжник Цзяо был человек заурядный, не обладавший настоящей цельностью. Долгое время он бедствовал, но в один прекрасный день стал обладателем достояния семьи Лю, получил в руки ее богатство и содержимое амбаров. Цзяо испытывал к покойной жене такие сильные чувства, его охватило столь безграничное горе от невозможности расстаться с нею, что он рыдал с утра и до вечера, и его телесная и духовная души разделились. От истощения сил омрачение овладело его духом, а может, это какая-то бесовская тварь выдала себя за душу его умершей жены.

Когда через несколько лет умер Цзяо, его домашние отправились взглянуть на то поместье, куда его вела покойная жена, и оказалось, что это то самое место, где Цзяо толкал ослика вперед. Перед ними открылся крутой обрыв, а внизу был омут, глубокий — дна не видно. Окрест царило полное безмолвие и лежали поросшие сорняками земли, которые и плуг-то не возьмет. Да и жена Цзяо — между ней и мужем всегда были весьма сильные чувства, так отчего же, после того как женщина сделалась душой умершей, эти чувства в одночасье переменились? Да так, что она морочит мужа, манит его броситься в реку с обрыва и утонуть в бездонной водяной бездне! Так была ли это в самом деле душа умершей жены или некая тварь выдала себя за нее? Словно в стихах Бо Цзюй-и: «И жизнь химера, и смерть химера». И пусть Цзяо был обычный человек, а смерть его жены — обыденное событие, я записываю эту историю, дабы предостеречь нынешних благородных мужей, что не следует искать печальный конец в чувствах к женщинам и девицам. Между жизнью и смертью — разница огромна, как же можно позволить себя заморочить? Еще: амулет даоса Дина — ну насколько же он чудодейственен!

Литература

Чжан Ци-сянь 2004 — *Чжан Ци-сянь. Ло ян цзинь шэнь цзю вэнь цзи* / Юй Ган цзяодянь // Удай шишу хуэйбянь 張齊賢. 洛陽縉紳舊聞記 / 俞鋼校點 // 五代史書彙編 «Записки слышанного от служивых людей Лояна о [бывшем] встарь / Критический текст Юй Гана // Собрание исторических сочинений эпохи Пяти царств. Ханчжоу: Ханчжоу чубаньшэ, 2004. Т. 4. С. 2378–2440.

References

Zhang Qi-xian. “Luo yang jin shen jiu wen ji / Yu Gang jiaodian” 張齊賢. 洛陽縉紳舊聞記 / 俞鋼校點 []. In: *Wudai shishu huibian* 五代史書彙編. Hangzhou: Hangzhou chubanshe, 2004, vol. 4, pp. 2378–2440 (in Chinese).

Sometimes They Come Back: The Dead Souls in Zhang Qi-xian's Collection

Igor A. ALIMOV

Antropology на Anthropology
St. Petersburg, Russian Federation

Received 21.04.2026.

Abstract: This publication introduces the reader to four stories from the collection “Lo yang jin shen jiu wen ji” (洛陽縉紳舊聞記 “Records of what was heard from the officials of Luo yang’s past”) by the Song writer Zhang Qi-xian (張齊賢 943–1014). The translation into Russian is preceded by basic information about the author and his collection.

Key words: old Chinese prose, Zhang Qi-xian, Luo yang jin shen jiu wen ji, history of xiaoshuo prose.

For citation: Alimov, Igor A. “Sometimes They Come Back: The Dead Souls in Zhang Qi-xian’s Collection”. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*, 2026, vol. 23, no. 3 (iss. 66), pp. 34–43 (in Russian). DOI: 10.55512/WMO707470.

About the author: Igor A. ALIMOV, Dr. Sci. (History), Head of East Asia Ethnography Department, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation) (alimov@pvest.org). ORCID: 0000-0002-3235-8459.